

Текст · 23 апреля 2026, 11:10
Алла Константинова, Павел Васильев,

Из ада. «Медиазона» публикует дневник, который похищенный ФСБ украинец вел в пыточном подвале во время оккупации Херсона

С начала марта по ноябрь 2022 года Херсон находился под оккупацией российских войск. После освобождения города там нашли несколько секретных тюрем — одну из них ФСБ оборудовала в подвале управления Нацполиции на Лютеранской улице. В течение нескольких месяцев там пытали похищенных украинцев. В их числе были фигуранты дела «херсонской девятки», подробнее о котором можно прочитать в [этом](#) тексте. При его подготовке в распоряжении «Медиазоны» оказался дневник, который один из узников вел в подвале на Лютеранской, а затем сумел передать на волю, спрятав среди личных вещей.

Первая запись в дневнике не датирована.

Предположительно, она сделана 13 сентября 2022 года

Вчера лег в три часа. Лампочка перегорела, и темнота давила. Решил попробовать заснуть. Успешно. Утро началось в 8:30.

Вчера еще заметил детский голос в одной из камер. Думал, мне показалось. Но они пленили ребенка! По голосу, ему лет 10–12. Это пиздец! Его вывел вояка, сказал, что они пообщаются, он его сегодня завезет домой. Но после общения его вернули в камеру. Голос у малого был дрожащим. Представляю, какой стресс для него. До 14 часов мы сидели все так же без света.

В это время к нам пришел один из наших оперов и включил свет.

Потом к нам привели новенького. Семь человек в четырехместной камере. Чувствую, вскоре кого-то переведут на СИЗО. Камеры переполнены. По четыре человека в одиночках.

Я переживаю, чтоб меня или нас не перевели. Ведь тут уже все, и все знакомы. А там полная неизвестность. Да и оттуда домой^[1] не получается ездить. Хотя Сережа говорит, что на СИЗО есть свиданка. Но так ли это в реалиях и рамках России? Лично я сомневаюсь. Со светом хоть можно почитать. Без света мне прям ужас как хотелось почитать.

Примерно в 16 нас покормили и вывели в туалет. Сегодня у нас в меню просто галеты. Но это лучше, чем ничего. Вечером лег подремать. Приснилась мама. Лучше бы не ложился. Осадок от сна, да и долго не мог прийти в себя после сна. Сейчас, возможно, напишу ***^[2] письмо. Может, получится его передать. И вновь главный вопрос: что же нас ждет завтра?

14 сентября

Сегодня утро было беспокойным. Вояки с самого утра отрабатывали технику ударов. Это длилось до десяти часов. Выводили ребенка на допрос. Потом мы слышали его возраст: ему 14 лет. Судя по всему, его взяли за то, что он фотографировал технику. Нетипично для ребенка, мальчика, не так ли? Если даже и нашли у него фото — да заберите телефон, отругайте и отпустите. Сердце кровью обливается от

мысли, что он сидит в таких условиях, видит все это, с ним так обращаются и его до сих пор не выпустили. Блин, да он возраста моего ***.

Вечером нас ожидал сюрприз. Часов в пять нам подселили новенького. Он сутки простоял пристегнутым к решетке. Хозяин автомойки. Чрезмерно «тепличный», наивный. Думает, что тут есть душ. Но, услышав от нас реалии, он присел.

Потом открылась дверь, и опера прозрели. Восемь (!) человек в камере. Они поговорили между собой, вывели вчерашнего новенького и завели другого. Мы оказались знакомы. Он работал с *** в СЕТАМе-^[3]. Знаком с ***. Рассказал нам новости Украины.

Поговорили про ***. Оказывается, *** пытался найти связи, чтоб меня вытащить. Так и не понял, как и сам ***, за что его взяли. Завтра, думаю, мы это узнаем. «Автомойщик» тоже не в курсе, за что он тут. Как узнаю, обязательно напишу.

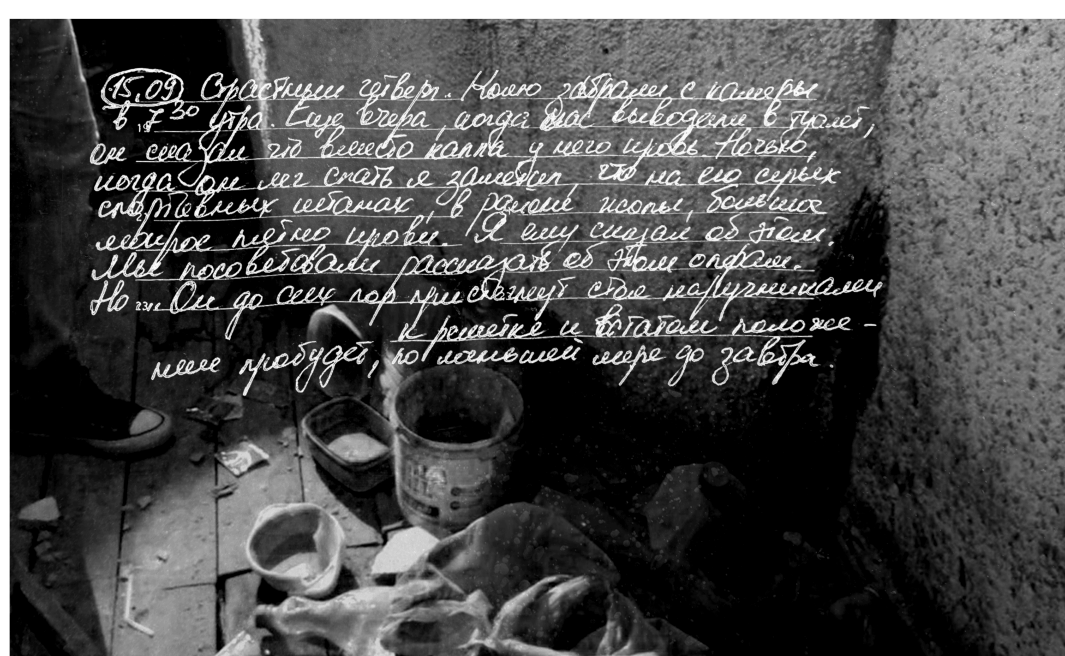

Фото: Крым.Реалии, коллаж: Медиазона

15 сентября

Страстный четверг. Колю забрали с камеры в 7:30 утра. Еще вчера, когда нас выводили в туалет, он сказал, что вместо кала у него кровь. Ночью, когда он лег спать, я заметил, что на его серых спортивных штанах в районе жопы большое мокрое пятно крови. Я ему сказал об этом. Мы посоветовали рассказать

об этом операм. Но... он до сих пор пристегнут стоя наручниками к решетке и в таком положении пробудет по меньшей мере до завтра.

Следом за Колей забрали Вову. Примерно час с ним беседовали с применением электроприборов. Когда его привели, он сказал, что через час за ним придут обратно. Нам казалось это маловероятным. Но все же пришли. Так Вову обратно в камеру и не вернули. Нас осталось шестеро. По крайней мере, чуть легче дышать. Началась новая тенденция: кормить нас и выводить в туалет через день. Питевой воды осталось два литра на всех.

Поели галеты, которые принесли Коле на днях в качестве пищи. Вновь тоскливо из-за семьи. Соскучился за ***, *** и ***. Безумно хочу к ним. День был очень напряженный. Мне показалось, что только в нашу камеру ходят целый день. Да и атмосфера гнетущая, опера злые. В воздухе прямо воняло страхом, насилием, руганью, унижением, в какой-то мере даже смертью. Но ею больше абстрактно, чем фактически.

У нас заканчивается провизия и сигареты. Как бы мы ни сэкономили, они все же заканчиваются. Чувствую, вскоре вновь будем курить чай.

Блин, как там дед? Как мама? Когда уже все это закончится? Ну не может же это длиться вечно?! И вновь: что же нас ждет завтра?

Фото: Крым.Реалии, коллаж: Медиазона

16 сентября

Сегодня Сережу с утра свозили домой. Откровенно говоря, даже завидую ему. Представляю, как пацаны завидовали мне, когда я ездил. День прошел равномерно. Нас покормили «мивиной»^[4]. Я был на раздаче пищи. Выводил нас молодой, пузатый, застенчивый, с добрыми глазами эфэсбэшник. Именно ему я импонирую.

Хоть и звучит как стокгольмский синдром, но он к нам относится по-человечески. Берет у нас пару пакетиков чая, просит, чтоб мы сделали (общим чайником) чай женщинам, что сидят в соседних камерах. Видно, что ему жалко их.

В обед вернули Колю. Не могли снять его с решетки, так как потеряли ключи от наручников. В конечном итоге раскусили их гидравлическими кусачками. Потом нам решили сделать милость. Открылись двери камеры, и тот солдат, что освобождал Колю, бросил нам на пол коробку крекеров — как собакам. И на том спасибо.

Хоть и Серега привез продукты, тут не стоит брезговать подобными подачками. Вечером устроили банный вечер. Не купались (обмывались) более десяти дней. Полведра воды на человека. Постирал футболку и штаны, хоть легче стало. Обратная сторона этих водных процедур — это невероятная влажность в камере. Нам бы не подцепить туберкулез. Хотя тут можно что угодно подцепить. Сегодня ЗСУ ударили по ВГА^[5]! Переживаю за свою семью, прям не нахожу себе места. Пришел опер, показал

видео последствий. Сказал, что там же прилетело по Острову и Таврику^[6]. Бля, хоть бы все было хорошо с моими родными.

17 сентября

Лег в пять. Но до девяти утра не мог заснуть. Как только начал засыпать, услышал стук наручников по решетке. Там висели двое, одному из них стало плохо. Его «сосед» звал на помощь. Позже подключились другие пленные с камер, стучали в двери, потолок, по трубам. Длилось это примерно часа полтора, пока не пришла охрана. Судьба этих двоих далее не...

На этом запись от 17 сентября обрывается — вероятно, текст продолжается на другом листке, но он утрачен.

Фото: Крым.Реалии, коллаж: Медиазона

5 октября

За прошлые дни не писал из-за ряда причин. Двое суток не было света (только в нашей камере). *** сказал про Офицеров^[7] (Крым), и на меня напала депрессия! Ко всему приехало пополнение вояк. И это было три дня ада. Вкратце опишу эти дни.

По-моему, 29.09 приехало пополнение вояк. Мы думали, что это ротация. Но на сегодняшний день (со вчера) они вообще не появляются. А их камеры пустые, куда делись люди — непонятно. Но приехали настоящие звери. Они устроили тут террор, избивали, пытали с утра до вечера. Потом напивались и приходили ночью, открывали камеры

и били. Выводили в пыточную. Часами стояли крики. Не знаю, чем им не угодил Коля (которого перевели с нашей камеры), его они избивали с особой жестокостью и систематично, по два раза в ночь выводили на пытки.

2 октября. Пришел главный вояк, избил его в очередной раз. Заставил сокамерников бить его, кто слабо бил — принимал участие Коли. После обеда он пришел опять к Коле. Избил, обмотал ему глаза и руки скотчем и сказал выходить. Перед этим слышен был щелчок затвора пистолета. Коля просился, умолял не убивать. Тот (походу чтоб Коля не кричал) сказал, что Колю везут домой. Сомневаюсь. Судьба его неизвестна.

Ночью у вояк была забава.

Они заходили в камеру и кричали: «Слава Украине». Пленные должны были хором ответить: «В составе... России». Слава Богу, их уже пару дней не видно и не слышно. Буквально вчера на улице во дворе были слышны звуки моторов военных «Уралов» или подобного. Походу, они выехали. Эфэсбэшники тоже собираются. Все ли? Не имею понятия.

В воскресенье (02.10) также поговорили с пузатым. Узнал его позывной — Штиль. Попросился, чтоб он повез меня домой на день рождения ***. Но он подтвердил мои опасения по поводу Крыма!

В четверг нас вывозят. Вчера и сегодня нам носили подписывать протоколы. Читать не давали, что мы подписываем — одному Богу известно. Но то, что я успел прочитать, повергло меня в шок. Появились

понятые. «На допросе я говорю, что моей целью с СБУ была дестабилизация региона». Короче, писали они, используя всю свою фантазию.

Даже не знаю, что меня (нас) ждет в Крыму. Мы буквально в субботу ночью все обсуждали, что судить нас невозможно. Оказывается, возможно. Думали, что не доведут. Зачем? Ведь Херсон в составе РФ. Тут же будет и суд, и прокуратура. Но нет.

Мы все уже три дня в депрессии. Никто не знает, что делать. Опять пытки? Бля, я еще не забыл те. Избивали, топили, ток. Я думал, что худшее уже позади. Хуже всего, что нам не говорят, куда везут. В какой город? Один из оперов обещал ***, что перед моей отправкой меня привезут. Привез продукты, но никто их не ест!

При участии Мики Голубовского

Редактор: Дмитрий Ткачев

-
1. Для следственных действий или их инсценировки.
 2. Из текста дневника удалены все имена, упоминание которых может выдать личность его автора.
 3. Госпредприятие при Минюсте Украины, через которое продается конфискованное и арестованное имущество.
 4. «Мівіна» — украинский бренд лапши быстрого приготовления, вроде «Роллтона» или «Доширака».
 5. Военно-гражданская администрация.
 6. Скорее всего, имеются в виду районы Херсона: Карантинный Остров и Таврический.
 7. Очевидно, речь идет о Сергее Офицеров, фигуранте дела «херсонской девятки».